

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>

EDN AQVACO

Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства

Элина Бексолтановна Уртаева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, Одинцово, Россия,
elina.urtaeva1@gmail.com

Аннотация. В статье представлены и проанализированы инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства, аспекты и проблемы политических коммуникаций в ходе гибридной войны, в которую оказалась вовлечена Российская Федерация в противостоянии с недружественными и деструктивными силами стран коллективного Запада, а также их прокси. Описаны ключевые направления антироссийских политических коммуникаций в условиях гибридной войны, показаны аспекты их реализации противника, особое внимание уделено проблематике противодействия специальным информационно-психологическим операциям. Аргументирована значимость контрпропаганды в результативном ведении информационного противостояния, ориентированном как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию. Представлен и описан набор перспективного инструментария успешной организации контрпропаганды в текущих условиях гибридного военно-политического противоборства России с коллективным Западом.

Ключевые слова: гибридная война, политические коммуникации, манипулирование, дезинформация, контрпропаганда, цифровые коммуникации

Для цитирования: Уртаева Э. Б. Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 217–223. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>. EDN AQVACO

Politology and Ethnopolitics

Original article

Tools of counterpropaganda in the context of hybrid foreign policy confrontation

Elina B. Urtaeva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Odintsovo branch, Odintsovo, Moscow region, Russia, elina.urtaeva1@gmail.com

Abstract. The article presents and analyses the tools of counterpropaganda in the context of a hybrid foreign policy confrontation. The aspects and problems of political communications are presented during the hybrid war in which the Russian Federation was involved in confrontation with the unfriendly and destructive forces of the countries of the collective West, as well as their proxies. The key directions of anti-Russian political communications in the conditions of a hybrid war are described, aspects of their implementation by the enemy are shown, special attention is paid to the problems of countering special information and psychological operations. The importance of counterpropaganda in the effective conduct of information confrontation, aimed at both external and internal audiences, is argued. A set of promising tools for successfully organizing counterpropaganda in the current conditions of the hybrid military-political confrontation between Russia and the collective West is presented and described.

Keywords: hybrid war, political communications, manipulation, disinformation, counterpropaganda, digital communications

For citation: Urtaeva E. B. Tools of counterpropaganda in the context of hybrid foreign policy confrontation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):217–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-217-223>. EDN AQVACO

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что в современном мире эскалация внешнеполитического противоборства все чаще происходит в гибридном поле, с активным захватом информационного пространства и ведением в нем так называемых гибридных войн, в которых исключительно важная роль отводится специальным информационно-психологическим операциям, иным актам информационно-коммуникационного воздействия, сбору аналитики в сетевом пространстве, контролю и блокировке приоритетных цифровых каналов коммуникаций [1–3].

В последнее десятилетие, и, в особенности, с 2022 г., ключевым международным пространством гибридного политического противостояния становится обострившийся конфликт между Россией и так называемым коллективным Западом, представленным, прежде всего, странами англосаксонского мира, стремящимися сохранить столь устраивавшую их однополярность в мироустройстве, которая, однако, систематически наносит непоправимый вред международным отношениям и хронически подрывает продуктивность архитектуры глобальной безопасности.

Для современной России исключительную важность приобретает обеспечение результативной практической деятельности по преодолению информационных атак со стороны недружественных государств как в пространстве внутренних политических и иных коммуникаций, так и во внешней среде, в том числе при выстраивании и поддержании положительного образа Российского государства на международной арене. В качестве некоторого минимума в реагировании на информационно-коммуникационные акты гибридной войны, развязанной недружественными государствами против России, может рассматриваться контрпропаганда, которая призвана включать в себя элементы ретроспективности и проактивности, обеспечивая, тем самым, результативный ответ на негативные внешние информационные воздействия [4–5].

С учетом известной новизны планирования и организации политических коммуникаций в условиях гибридной войны, пространство которой все чаще связано с цифровыми каналами и инструментами генерирования и распространения информации, представляется важным оказывать комплексное научное содействие в разработке и применения перспективного инструментария контрпропаганды.

Цель и задачи. Целью настоящей публикации выступает идентификация спектра перспективных инструментов контрпропаганды при организации политических коммуникаций внутри и за пределами России в условиях гибридного внешнеполитического противоборства. Задачами публикации выступили: рассмотрение специфики современных гибридных войн и ее отражения в политических коммуникациях; раскрытие основ организации контрпропаганды в условиях гибридных войн, ориентированной на внутреннюю и внешнюю аудиторию; разработка перечня и уточнение специфики применения инструментов контрпропаганды в политических коммуникациях в Российской Федерации.

Материалы и методы. Публикация опирается на материалы релевантных исследований, предлагающих элементы концептуального анализа политических коммуникаций и возможностей контрпропаганды в условиях ведения гибридного военно-политического противоборства. При подготовке исследования использованы системно-структурный, сравнительный, исторический, аналитический и прогностический методы и подходы в изучении политических коммуникаций.

Результаты. Представляется возможным предложить следующее научное определение гибридной войны: форма военно-политического противоборства, в которой используются не только традиционные военные методы, но и невооруженные инструменты и приемы практической деятельности, такие как информационная война, кибератаки, финансовые санкции и иные меры экономического и политического давления. Главной целью гибридной войны является достижение политических целей путем использования различных инструментов в разных сферах.

Многие авторы, например [6–8], утверждают о том, что политические коммуникации стали ключевой, определяющей сферой ведения современных гибридных войн, в том числе того военно-политического противоборства с коллективным Западом, в которое оказалась вовлечена современная Российская Федерация. С помощью политических коммуникаций реализуется потенциал формирования и управления общественным мнением, расширяются возможности по созданию определенной атмосферы социальной деятельности и дискредитации оппонентов, включая, например, очернение имиджа конкретных политиков, политических партий и вовсе государств. Использование социальных сетей, масс-медиа и других каналов связи позволяет управлять информационным пространством и повлиять на мнение широкой аудитории.

На сегодня политические коммуникации стали неотъемлемой частью гибридной войны и играют ключевую роль в ее успехе или неудаче. При этом могут быть выделены три основных направления внешнего коммуникативного воздействия на Российскую Федерацию в ходе обострения противостояния с коллективным Западом, начиная с февраля 2022 года:

1) попытки сформировать в сознании граждан иностранных государств образа России как государства-преступника, вместе с созданием устойчивых практик общественного порицания всего русского, культуры массового отказа и уничтожения русского языка, культуры, экономики за рубежом, с созданием у России, россиян и политических лидеров нашей страны образа идеального и непримиримого врага, якобы угрожающего всему человечеству. Помимо существенного очернения имиджа России и распространения культуры «отмены русского», важным инструментом активности в гибридной войне по данному направлению выступает манипуляция в международных политических коммуникациях так называемым «ядерным нарративом»: необоснованными обвинениями России в готовности произвольного применения ядерного оружия с одновременным убеждением международной общественности не только в готовности, но и в якобы существующем непреодолимым желанием непременно совершить акт ядерного безумства в ответ на придуманную Западом неспособность России достичь целей и задач Специальной военной операции на Украине и обеспечить приоритетные национальные интересы военным и/или дипломатическим путем. В частности, мифы о ядерном шантаже России получили широкое распространение не только в средствах массовой информации, но и, например, в академической среде на Западе [9];

2) попытки оказания информационного воздействия на внутреннюю политику в России, в том числе сформировать межнациональную или политическую рознь, стимулировать фрагментацию гражданского общества и др. В соответствующих действиях значительная роль отводится разного рода прокси в информационной политике Запада: иноСМИ, иностранным агентам в России, и прочим релокантам или представителям так называемой «пятой колонны», остающимся в России и по причинам, прежде всего, технико-юридического характера, все еще не получившим статус иноагентов;

3) ситуативные спланированные и контролируемые акции по дезинформации и политическим манипуляциям, направленным избирательно на российскую, украинскую или западную аудиторию, учитывающие психологические особенности восприятия политической информации, которые принято также называть информационно-психологическими специальными операциями (ИПСО). ИПСО стали важнейшим инструментом в противостоянии России и Запада в украинском конфликте, при этом специализированные службы на Украине, по всей видимости, создавались ведущими специалистами по гибридной информационно-психологической борьбе, прежде всего, из США и Великобритании, и до настоящего времени управляются и координируются из этих стран, в том числе с опорой на предоставляемые ими ресурсы [10–11].

Характер гибридного военно-политического противоборства современного этапа заключается в том, что от вовлечения в гибридные войны заведомо проигрывает большинство или все их активные участники [12–13], поэтому при наличии соответствующих возможностей, таких противоборств следует избегать или всеми силами предотвращать их разрастание в полноценный конфликт, что и делалось активно российскими политическими акторами накануне февраля 2022 г.

Однако поскольку все же избежать эскалации не удалось, важно всесторонне укреплять позиции, обеспечивающие национальные интересы Российской Федерации в системе политических

коммуникаций в условиях гибридного военно-политического противоборства. В этой связи особый интерес представляют инструменты контрпропаганды, которые активно использовались в информационных конфликтах времен холодной войны, однако соответствующий опыт с годами утрачивался, и, кроме того, может рассматриваться как, по крайней мере, частично нерелевантным с учетом прогресса в методах и технологиях политических коммуникаций, в особенности с наступлением цифровой эпохи.

Под контрпропагандой в комплексе политических коммуникаций в условиях ведения гибридных войн представляется целесообразным понимать систему информационно-коммуникационных мероприятий, направленных на противодействие негативному воздействию пропаганды на общественное мнение и формирование альтернативного взгляда на события и процессы, происходящие в стране и за ее пределами.

В контексте гибридных войн контрпропаганда является одним из инструментов борьбы за информационное превосходство и включает в себя использование различных каналов связи, в том числе социальных сетей, масс-медиа, блогов и других онлайн-платформ. С учетом особенностей ведения гибридного противостояния России и коллективного Запада на фронтах на Украине важное значение приобретает противостояние специальным информационно-психологическим операциям.

Контрпропаганда также может включать в себя использование экспертов, общественных деятелей и других влиятельных личностей для формирования позиции, противостоящей агрессивной пропаганде. Основная цель контрпропаганды – предотвратить манипуляции общественным мнением и сохранить информационную независимость и свободу.

Для успешной организации контрпропаганды в текущих условиях гибридного военно-политического противоборства России с коллективным Западом представляется целесообразным в приоритетном порядке развивать практику применения следующего перспективного инструментария:

1. Мониторинг и анализ информационного пространства. Для контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства необходимо постоянно отслеживать и анализировать информационные потоки, чтобы быстро реагировать на негативные новости и дезинформацию. Для этого целесообразно использовать специализированные программы для мониторинга и анализа социальных сетей и СМИ, уделяя особое внимание цифровым технологиям новейшего периода, в том числе нейросетям (искусственному интеллекту) и машинному обучению.

2. Создание качественного контента. Важно создавать контент, который будет информативным, достоверным и интересным для аудитории, с учетом ее специфики, в том числе национальной принадлежности. Это может быть как текстовый материал, так и видео, фотографии или аудио. Контент должен быть ориентирован на решение конкретных задач, например, развенчание мифов или предоставление фактов, опровергающих дезинформацию. Вместе с инновационностью, которое в России, порой, превышает по своей эффективности вещание, нацеленную на внутреннюю аудиторию, важно развивать контент, нацеленный на определенные группы получателей информации, выделяемые по национальной и религиозной принадлежности, дружественности к России (применительно к иностранным аудиториям), политической ангажированности и подкованности, возрасту и роду деятельности и иным социально-демографическим аспектам (применительно как ко внутренней, так и к зарубежной аудитории).

3. Работа с блогерами и экспертами. Необходимо развивать сотрудничество с блогерами и экспертами, которые будут публиковать качественный контент и давать свои экспертные оценки. Блогеры и эксперты могут помочь в распространении контента и повышении его достоверности. Важно не утрачивая контроль над российской блогосферой, формировать пул добровольных участников информационной политики мерами позитивной мотивации. В зоне особого интереса – блогеры из иностранных государств, и прежде всего та часть сетевых лидеров общественного мнения (ЛОМов), которые не утратили навыки аналитического мышления и способны трезво оценить реальные интересы и позиции Российской Федерации в гибридном конфликте – в отличие от Запада, России попросту нет необходимости заниматься сочинительством, выдумывая нарративы,

оправдывающие безосновательные и безответственные поступки, подрывающие международную безопасность. Однако донести это до зарубежной аудитории, в особенности в наиболее «зашоренном» западной пропаганде сегментом, результативно смогут, прежде всего, такие же сограждане, которые сумели выйти за рамки обыденного и готовы открыться правдивой информации, перекрываемой потоками дезинформации и политической манипуляции. Уважение или вовсе любовь таких ЛОМов к русской культуре, приверженность традиционным ценностям и другие подобные аспекты могут стать источником более продуктивного взаимодействия, но с учетом специфики осуществления контрпропаганды в гибридном конфликте, вовсе не должны рассматриваться в качестве императивных требований, наличие которых лишь ограничит и без того не самый широкий круг потенциальных партнеров.

4. Продвижение в социальных сетях. Социальные сети являются одним из самых эффективных каналов распространения информации. Необходимо активно продвигать свой контент в социальных сетях, чтобы он быстро достигал целевой аудитории, для этого можно использовать рекламные инструменты социальных сетей, в особенности с учетом их трансграничного характера, позволяющего обеспечивать активности как в России, так и за рубежом. Продвижение образа России в социальных сетях за рубежом – задача особой сложности, поскольку она связана с технологическими мерами противодействия информационным фильтрам, установленным недружественными сторонами. Наличие таких фильтров в наиболее популярных у иностранных аудиторий социальных сетях, прежде всего, контролируемых вашингтонским и брюссельским обкомами может в значительной мере нивелировать информационные активности, включая привлечение к контрпропаганде зарубежных ЛОМов. Борьба с фильтрами и иным просеиванием политической информации должна осуществляться сведущими специалистами с надлежащим технологическим обеспечением и вестись преимущественно через инструменты искусственного интеллекта и машинного обучения, применение которых способно обеспечить наиболее высокие ожидаемые уровни показателей по качеству и результативности обхода фильтров информации и прочих информационных блокировок.

5. Организация собственных ИПСО встречного характера, с высоким профессионализмом, однако ответственным поведением, в том числе перед теми сторонами противника, которые склонны соблюдать базисные этические принципы негласного ведения информационных войн, а также перед той частью международного сообщества, которое, не будучи вовлеченным напрямую в гибридные войны, может от них пострадать. Ответный, зеркальный характер соответствующих мер поспособствует их позитивному восприятию в дружественном зарубежье, пониманию необходимости с последующим повышением уровня одобрения позиций Российской Федерации в гибридном внешнеполитическом противоборстве в глобальном масштабе.

6. Профилактическая и просветительская работа с населением. Заключительный инструмент из предлагаемого перечня относится преимущественно к внутренней аудитории, с которой возможно осуществлять систематическое и планомерное взаимодействие. Необходимо проводить обучающие мероприятия, на которых будет рассказываться о способах распознавания дезинформации и манипуляций в информационном пространстве. Обучение может проводиться как в формате онлайн-курсов, так и офлайн-семинаров, а некоторые элементы могут быть реализованы в массовом режиме всеобща.

Выводы. В современном мире дезинформация и манипуляции являются распространенными методами ведения политической борьбы, и контрпропаганда позволяет бороться с этими явлениями, будучи направленной на создание качественного контента, распространение достоверной информации, а также на обучение населения способам распознавания дезинформации и манипуляций в информационном пространстве. Контрпропаганда помогает обеспечить национальную безопасность, защитить интересы страны и ее граждан, а также сохранить стабильность в обществе, поддерживая, восстанавливая и укрепляя позитивный имидж страны за рубежом, прежде всего, в дружественных государствах.

Представленный в настоящей публикации перечень инструментария контрпропаганды в условиях гибридной войны безусловно не носит исчерпывающего характера, а прежде всего

призван ориентировать теорию и практику политических коммуникаций, которые сталкиваются с затруднениями в развитии соответствующих инструментариев в новейшей ситуации, не будучи подкрепленными релевантным многолетним опытом работы. При разработке и реализации инструментов контрпропаганды особо важно учитывать потенциал и риски цифровизации, одновременно стремясь опережать противника, относясь к его деятельности со всей серьезностью, и пытаясь спрогнозировать и предсказать новые действия, которые при ближайшем приближении не образуют непреодолимых задач в информационно-коммуникационной работе.

Список источников

1. Cullen P., Wegge N. Hybrid warfare. *Intelligence Analysis in the Digital Age*. 2021 Aug 5.
2. Qureshi W.A. The rise of hybrid warfare. *Notre Dame J. Int'l Comp. L.* 2020;10:173. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scholarship.law.nd.edu/ndjicl/vol10/iss2/5>. дата обращения: 15.01.2024.
3. Weissmann M., Nilsson N., Palmertz B., Thunholm P. Hybrid warfare: Security and asymmetric conflict in international relations. Bloomsbury Academic; 2021. <https://doi.org/10.5040/9781788317795>.
4. Aslam S., Hayat N., Ali A. Hybrid warfare and social media: need and scope of digital literacy. *Indian Journal of Science and Technology*. 2020 Feb 5;13(12):1293-9. <https://doi.org/10.17485/IJST/v13i12.43>.
5. Sokolov S., Nyrkov A., Knysh T., Shvets A. Countering Cyberattacks During Information Operations. In *International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020 Sep 22* (pp. 84-100). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-33-6208-6_9.
6. Грачёв С. И., Чикальдина В. С. К вопросу о многогранности содержания военно-политической сферы: современный подход // *KANT: Social science & Humanities*. 2023(2 (14)):20-4. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14-4>.
7. Комлева Н. А. Геополитическая безопасность современной России: сущность, структура, основы мониторинга // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022(4):102-16. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-4-9>.
8. Stojanović G. Hybrid Wars in the 21st Century: Study on the Russia-Ukraine Conflict. In *Fighting for Empowerment in an Age of Violence 2022* (pp. 238-248). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-4964-6.ch014>.
9. Brusylovskaya O. Russia's Nuclear Blackmail as a Threat to the Global Nuclear Order. In *Russia's War on Ukraine: The Implications for the Global Nuclear Order 2023 Sep 2* (pp. 39-52). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32221-1_4.
10. Козин М. Н., Родионов А. В. Методы и инструменты ведения информационной войны: новые угрозы подрыва социально-экономической и политической стабильности государства // *Человек: преступление и наказание*. 2022. № 30(3). С. 326-335. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).3.326-335](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335).
11. Минаева Л. В. Стратегическая коммуникация и информационная война // *Российская школа связей с общественностью*. 2022. № 26. С. 59-82.
12. Caliskan M., Liégeois M. The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: insights from interviews with NATO officials. *Small wars & insurgencies*. 2021 Feb 17;32(2):295-319. <https://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>.
13. Najžer B. The hybrid age: International security in the era of hybrid warfare. Bloomsbury Publishing; 2022. ISBN: HB: 978-0-7556-0251-3.

References

1. Cullen P., Wegge N. Hybrid warfare. *Intelligence Analysis in the Digital Age*. 2021 Aug 5.
2. Qureshi W.A. The rise of hybrid warfare. *Notre Dame J. Int'l Comp. L.* 2020;10:173. [Electronic resource]. Available from: <https://scholarship.law.nd.edu/ndjicl/vol10/iss2/5> [Accessed 15 January 2024].
3. Weissmann M., Nilsson N., Palmertz B., Thunholm P. *Hybrid warfare: Security and asymmetric conflict in international relations*. Bloomsbury Academic; 2021. <https://doi.org/10.5040/9781788317795>.
4. Aslam S., Hayat N., Ali A. Hybrid warfare and social media: need and scope of digital literacy. *Indian Journal of Science and Technology*. 2020. Feb 5;13(12):1293-9. <https://doi.org/10.17485/IJST/v13i12.43>.

5. Sokolov S., Nyrkov A., Knysh T., Shvets A. Countering Cyberattacks During Information Operations. In *International Scientific Conference on Architecture and Construction 2020 Sep 22* (pp. 84-100). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-33-6208-6_9.
6. Grachev S.I., Chikaldina V.S. On the issue of the versatility of the content of the military-political sphere: a modern approach. *KANT: Social science & Humanities*. 2023;(2(14)):20-4. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-14-4>. (In Russ.)
7. Komleva N. A. Geopolitical security of modern Russia: essence, structure, fundamentals of monitoring. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences*. 2022(4):102-16. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-4-9>. (In Russ.)
8. Stojanović G. Hybrid Wars in the 21st Century: Study on the Russia-Ukraine Conflict. In *Fighting for Empowerment in an Age of Violence 2022* (pp. 238-248). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-4964-6.ch014>.
9. Brusylovska O. Russia's Nuclear Blackmail as a Threat to the Global Nuclear Order. In *Russia's War on Ukraine: The Implications for the Global Nuclear Order 2023 Sep 2* (pp. 39-52). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32221-1_4.
10. Kozin M. N., Rodionov A. V. Methods and tools of information warfare: new threats to undermine the socio-economic and political stability of the state. *Man: crime and punishment*. 2022;30(3):326-35. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).3.326-335](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335) (In Russ.)
11. Minaeva L.V. Strategic communication and information warfare. *Russian School of Public Relations*. 2022(26):59-82. (In Russ.)
12. Caliskan M., Liégeois M. The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: insights from interviews with NATO officials. *Small wars & insurgencies*. 2021 Feb 17;32(2):295-319. <https://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>.
13. Najžer B. *The hybrid age: International security in the era of hybrid warfare*. Bloomsbury Publishing; 2022. ISBN: HB: 978-0-7556-0251-3.

Информация об авторе

Э. Б. Уртаева – кандидат политических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики факультета управления и политики МГИМО МИД России (Одинцовский филиал).

Information about the author

E. B. Urtaeva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Regional Governance and National Politics of the Faculty of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 09.02.2024.